

behavior, crime and suicide attempts, excessive aggression; mental disorders, i.e. depression. In this paper represented by the article's author first developed a classification of factors that restrict the socialization of adolescents with ASD. As a result, it was identified the components of complications in adolescent socialization: fear, hostility, depression, aggressive behavior, autoaggression, inadequate self-esteem, passivity, dependent on external circumstances. It was shown that a successful example of overcoming such situations is to stay sick teens in a day care center for people with disabilities. According to the statistical data of more than one-quarter of the teenagers with ASD have a chance to adapt to more complex social conditions of adulthood.

Keywords: autism, socialization, professionalism, teenager, complicate situation, environment.

Отримано 23.01.2015

УДК 159.9

Мазілов Владимир Александрович

ТВОРЧЕСТВО И МЫШЛЕНИЕ, ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Мазілов В. О. ТВОРЧИСТЬ ТА МИСЛЕННЯ, ПСИХОЛОГІЯ ТА ФІЛОСОФІЯ. У цій статті констатується, що в даний час психологія не має в своєму розпорядженні прийнятної теорії поетичної творчості. Більше того, стверджується, що навіть наукова творчість в психології розглядається поверхово, психологія не приділяє необхідної уваги аналізу її інтимних механізмів, зокрема, співвідношенню мислення і знання. В результаті упускається, що головна складність творчого процесу не у відкритті нового, а в подоланні помилки, що перешкоджає цьому відкриттю. Запропоновано типологію труднощів у творчості. Стверджується, що в розробці цієї проблематики, надзвичайно перспективним представляється підхід, який представлений в новій книзі В. Д. Шадрикова «Думка і пізнання». В рамках цього підходу міститься можливість співвіднесення думки, образу, символу, що важливо для опису і розуміння поетичної творчості. У статті наголошується, що для зміни існуючого несприятливого положення в психології, зафіксованого вище, необхідні певні кроки. Необхідно розробляти філософію психології як верхній рівень методології психології. Вважаємо, що розробки цього рівня допоможуть науковій психології вибудувати необхідні мости, які дозволили б поєднати в психологічному дослідженні поки що погано поєднане (наприклад, дати психологічну теорію поетичної творчості).

Ключові слова: поезія, психологія, творчість, творче мислення, філософія, філософія психології.

Мазілов В. А. ТВОРЧЕСТВО И МЫШЛЕНИЕ, ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ. В настоящей статье констатируется, что в настоящее время психология не располагает приемлемой теорией поэтического творчества. Более того, утверждается, что даже научное творчество в психологии рассматривается поверхностно, психология не уделяет необходимого внимания анализу его интимных механизмов, в частности, соотношению мышления и знания. В результате упускается, что главная трудность творческого процесса состоит не в открытии нового, а в преодолении заблуждения, препятствующего этому открытию. Предложена типология трудностей в творчестве. Утверждается, что в разработке этой проблематики, чрезвычайно перспективным представляется подход, который представлен в новой книге В. Д. Шадрикова «Мысль и познание». В рамках этого подхода содержится возможность соотнесения мысли, образа, символа, что важно для описания и понимания поэтического творчества. В статье отмечается, что для изменения существующего неблагоприятного положения в психологии, зафиксированного выше, необходимы определенные шаги. Необходимо разрабатывать философию психологии как верхний уровень методологии психологии. Полагаем, что разработки этого уровня помогут научной

психологии выстроить необходимые мосты, которые позволили бы соединить в психологическом исследовании пока что плохо соединимое (например, дать психологическую теорию поэтического творчества).

Ключевые слова: поэзия, психология, творчество, творческое мышление, философия, философия психологии

Как представляется, психологи перед творчеством в большом долгу. И это замечательно, так как осознавая свой долг, новые поколения психологов предпринимают все новые и новые попытки описать этот загадочный процесс. Чаще всего, так и не сумев постичь не только всей тайны творчества, но даже подойти к удобной позиции для изучения. Психология вообще находится в особом отношении с тайной. Что может быть лучше, интересней, чем заниматься психологией человека? Исследовать Совершенное, Возвышенное и Удивительное. Если разобраться, занятия психологией – величайшая дерзость человеческого разума, пытающегося объяснить устройство и функционирование Души. Человеческий разум в психологии устремляется на разрешение мировых загадок. Вероятно, из семи мировых загадок, возможность разрешения которых манила ученых прошлого столетия, те, что относятся к психологии, в полной мере заслуживают наименования не просто загадок, но мировых Тайн. Тайна человеческой Души по-прежнему не раскрыта (и, пожалуй, со времен Аристотеля и Платона вряд ли человечество существенно приблизилось к тому, чтобы хотя бы немного ее приоткрыть: так сказать, «тайна сия велика есть»). Здесь становится отчетливо заметно различие между пониманием и знанием: знаний накоплено огромное количество, необходимого понимания пока что нет. Но – парадокс, тайна необходима. Мы постигаем непостижимость. Прекрасно об этом сказал Карл Юнг: «Очень важно иметь тайну, или предчувствие чего-то неизведанного. Это придает жизни некое безличное, нуминозное свойство. Кто этого не испытал, упустил нечто важное. Человек должен чувствовать, что живет в мире, который все еще полон тайн, что всегда остаются вещи, которые объяснить невозможно, что его еще ждут неожиданности. Неожиданное, как и невероятное, всегда присутствует в этом мире. Жизнь без них неполна. Для меня с самого начала мир был бесконечен и непостижим» (Юнг, 1994, С. 351). В. П. Зинченко – замечательный российский психолог – несомненно был причастен к этим тайнам. В авторском предисловии к своему фундаментальному труду «Сознание и творческий акт» он пишет, что это «книга, посвященная двум тайнам – сознанию и творчеству, которые вместе, возможно, составляют общую или единую тайну» (Зинченко, 2010, С. 11). В. П. Зинченко предупреждает: «Не буду вводить в заблуждение: по прочтении книги тайна таковой и останется, разве что со следами авторских прикосновений. Не все из них носят мои отпечатки. Есть и другие, принадлежащие заслуженным собеседникам» (там же). И как совет читателям: «... тайну надо полюбить, тогда она, возможно, поближе подпустит к себе. Однако не надо обольщаться, ибо ничто не вечно под лунной, кроме вечных проблем бытия и сознания» (там же).

Почему-то психологам кажется, что механизмы творчества едины и универсальны. На самом деле – это одно из важных заключений – само твор-

чество различно, существуют принципиально отличные его виды, где многое – и механизмы в том числе – естественно различаются.

Настоящее творчество есть сложнейший феномен. Поэтому полезно предварительно исследовать возможные трудности и препятствия на пути к нему. Примером может послужить анализ заблуждений, непосредственного спутника творчества.

Похоже, исследователи-психологи часто недооценивают значение очень простой мысли: творчество есть не только интимно-личностный, но и трансперсональный феномен. Подробное описание следствий, вытекающих из этого простого тезиса, оставлю для следующего раза.

Греческое слово *Poiesis*, как хорошо известно, многозначно. Оно означает и творчество, и творение, и созидание, и делание, и построение, и сочинение стихотворений. Немецкий философ Петер Козловски, анализируя различные типы философии, приходит к выводу, что можно говорить о поэтической философии: «Для тех типов философии, которые можно назвать поэтическими или «пойетическими», в центре философского понимания действительности стоит *Poiesis*, созидание. Способы созидания в этом типе философии могут быть двоякими: рождение и изготовление, *generatio* и *factio*. Стихотворчество, или поэзия в «пойетической» философии есть высшая форма пойесис» (Козловски П., 2000, с. 37). «От «пойетической» философии следует отличать философию, сочиняющую фикции (*dichtende oder fiktionale Philosophie*). В ней момент пойесис в конституции действительности уступает по своему значению моменту фиктивного и работе идеи. Прототипом этого рода философии может служить система Гегеля. Для Гегеля не созидание, а логическая работа понятия, диалектическое самоопределение и самовырабатывания идеи вообще в определенную идею становится принципом действительности. Платой за вытеснение пойесис, принципа рождения, творчества, делания и поэзии становится сочинение философской системы, измышляющий некий великий эпос работы понятия. Сочиняющая философия Гегеля вытесняет из философии пойесис и поэзию ради логики и работы понятия и в то же время измышляет великий диалектический эпос, в котором теогония и космогония, история абсолюта и мировая история, история человека и природы сливаются в логический эпос отчуждения идеи в природу и снятия их обеих в определенном понятии. Парадоксальным образом вытеснение из философии пойесис и поэзии приводит к тому, что философия становится сочинительством, созданием фикций (Козловски П., 2000, с. 37). Петер Козловски делает чрезвычайно важное замечание: «Поэтична не только та философия, которая ставит пойесис в центр своего миропонимания, но и та, которая пытается объединить средства поэзии, эпоса и романа и дневника со средствами философского анализа эпохи и теории» (Козловски П., 2000, с. 37-38).

На наш взгляд, это полностью можно отнести и к психологии. Автор должен предупредить: ни о каком противопоставлении «пойетической» и «академической» (научной) психологии речь не идет. Более того, как это

следует из приведенного выше замечания П. Козловски, при определенных условиях возможны «объединения» средств поэзии и анализа теории. Поэтому полейетическая и научная психологии сосуществуют, поскольку к постижению психического много путей. Когда-то один из создателей психологии – науки о Душе – области человеческого знания «о возвышенном и удивительном» (Аристотель) Зигмунд Фрейд проницательно заметил: «Поэты всегда все знали». Это высказывание можно интерпретировать по-разному. Нам кажется, что наука – лишь одна из присущих человечеству форм знания. Искусство – другая форма. Поэтому иногда интуитивные постижения поэтов обосновываются научно спустя многие десятилетия. Не случайно у психологии много корней.

В настоящее время не только творчество и духовность представляют объект для психологического исследования (что естественно и тривиально), но и творчество (и особенно духовность) представляют собой существенную проблему для психологии, причем такую проблему, которую в современных условиях решить чрезвычайно непросто: на самом деле в рамках традиционной общей психологии для духовности «места» вообще не предусмотрено, а творчество сводится чаще всего к элементарной «нетривиальности» в принятии того или иного решения. О том, что психологические механизмы творчества вряд ли всегда едины и универсальны, вспоминают также нечасто. На наш взгляд, это означает, в первую очередь, слабость современной общей психологии. Общая психология должна обеспечивать «рабочие пространства» для изучения основных психологических проблем. И, если, скажем, духовность вообще не предусмотрена в качестве «измерения» психических явлений, то это, в первую очередь, проблема того учения, которое выступает в качестве общей психологии, то есть той концепции, которая создает исследовательские пространства и способы понимания психического в целом и его отдельных проявлений, в частности.

Впрочем, оставим общую психологию и обратимся непосредственно к психологии творчества и психологии творческой личности. Здесь тоже ощущается явное неблагополучие. И проявляется оно, на наш взгляд в том, что в психологических исследованиях моделируется не творчество как таковое, а нечто «похожее». В результате получается продукт класса *light*, то есть своего рода концепция *creativity light*. Если в сфере кулинарии это просто похоже на настоящий продукт, но не так вкусно, то в науке это, конечно, тоже похоже, но, к сожалению, критически приближается к другому слову, также обозначающему «облегченность», – *lightweight*. Это слово имеет обидный, как представляется, и плохо совместимый со статусом научности вариант перевода на русский язык как «поверхностный», «несерьезный». Тем не менее, слово найдено. Итак, мы утверждаем, что существующая психологическая трактовка творчества поверхностна и не очень серьезна.

Творчество как таковое в психологии изучают чрезвычайно редко. Заметим, кстати, что в этих редких случаях получают удивительные результаты. К обсуждению этих результатов мы еще вернемся, а пока обратим внимание на то, что в качестве модели, на которой исследуется в психологии

творческое мышление, выступают так называемые задачи «на соображение», «на догадку». «Аналогия» с настоящим творчеством, конечно, очевидна – и случай Архимеда, и случай Ньютона это как будто подтверждают: решение приходит внезапно путем инсайта. То есть, если выразиться предельно просто, ситуация выглядит так: решение всегда элементарно, только надо догадаться. Догадаться – значит, решить. Однако, зададимся вопросом: неужели в творчестве все так просто? Где место «мукам творчества», если счастливая догадка приводит к успеху моментально?

Итак, упрощенный подход к творческому мышлению проявляется в том, что творчество часто рассматривают поверхностно, полагая, что «творческий» означает нестандартный, нетривиальный, необычный. Действительно, внешняя сторона творческого поведения может быть описана таким образом, но не следует упускать из виду, что также существуют внутренние психологические механизмы творческого поведения, которые также должны быть раскрыты. Нельзя же всерьез считать творческим подход к деятельности человека, не овладевшего еще как следует нормативным способом деятельности, но желающего проявлять «творческую» индивидуальность...

На наш взгляд, принципиально важным моментом при изучении психологии творчества, при его моделировании и особенно при проектировании обучающих программ является указание на то, что центральным звеном в творческом процессе является преодоление заблуждения, неадекватного исходного знания (часто неявного), то есть в той или иной форме корректировка структур субъективного опыта (Мазилев В. А., 1979, 1983). Это утверждение нуждается в дополнительном пояснении.

Считается, что адекватной моделью творчества является решение задач-головоломок, так называемых «малых творческих задач», задач на соображение. Психологические исследования показывают, что наиболее существенная трудность в творческом мыслительном процессе заключается не в нахождении правильной гипотезы, идеи решения, как часто полагают, а именно в преодолении заблуждения, зафиксированного в исходном неявном знании, в структурах субъективного опыта. Поскольку самой существенной трудностью в творческом процессе является преодоление заблуждения, корректировка структур субъективного опыта, то при обучении творчеству акцент должен быть сделан именно на этом. При проектировании обучающих программ полезно учесть, что возможно построение типологии трудностей проблем в творческом процессе, связанной со структурами субъективного опыта, которые по своему происхождению могут быть индивидуальными (то есть сформированными в результате опыта взаимодействия индивида с окружающим миром) и «коллективными» (сформированными в результате усвоения общественного опыта).

Представляется целесообразным выделение следующих типов трудностей в творческом процессе. Наиболее простыми (первый тип) окажутся трудности, связанные с актуализацией нерелевантных ситуаций структур субъективного опыта. Проблема в этом случае с легкостью может быть решена, когда субъект актуализирует структуры опыта, соответствующие

ситуации. Многие задачи-головоломки представляют для решающего именно такую трудность.

Второй тип трудностей: неадекватны (содержат элемент заблуждения) актуализируемые субъектом структуры опыта, но на другом уровне структур субъективного опыта решающий задачу располагает адекватным знанием и, таким образом, корректировка структур опыта, преодоление заблуждения, и, как следствие, решение проблемы) достигается за счет происходящего по ходу мыслительного процесса взаимодействия структур субъективного опыта разного уровня.

Третий тип трудностей можно наблюдать в тех случаях, когда адекватными структурами субъект не располагает вовсе, поэтому корректировка структур опыта может произойти лишь в результате продуктивного мыслительного процесса (творческое мышление в точном смысле этого слова).

И, наконец, четвертый тип: адекватных структур опыта не существует вообще (ни для субъекта, решающего задачу, ни для социума), поэтому происходящая в продуктивном процессе корректировка структур опыта приводит к преодолению заблуждения и формированию нового знания как для субъекта, так и для общества (так называемое «большое творчество»). Здесь становится понятно, что этот процесс порой может занимать годы, уходящие не на бесплодные поиски идеи, а на преодоление тех представлений, которые делают невозможным формулировку нужной гипотезы...

Обещанный выше пример изучения собственно творчества можно найти у классика психологии XX столетия скандинавского ученого Лайоша Секея. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с положениями психоанализа и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Секея «Творческая пауза» (1968), посвященная выяснению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. По Секею, во время творческой паузы актуализируется различный опыт и анализируется в общем мыслительном поле, не связанные между собой по времени и по смыслу мысли и впечатления приводятся в соприкосновение (Szekely L., 1976, S.149). Процесс мышления во время творческой паузы протекает на другом уровне организации, чем сознательный процесс. Вместо недостаточно определенного понятия прошлый опыт используется понятие репрезентация, заимствованное у Джерома Брунера. Репрезентация, по Секею, гипотетическая структура, с помощью которой человек организует опыт для будущего употребления. Это структуры, которые организуются и строятся в раннем детстве на основе впечатлений об окружающем мире и соматических ощущений. Во время сознательной работы с проблемой зона поиска способа решения определяется через знания о причинно-следственных структурах действительности, во время паузы учет рациональных возможностей отступает на задний план, зона поиска меняется на

инфантильные области репрезентации (Szekely L., 1976, S.167). Изучение мыслительного процесса во время творческой паузы происходит с помощью сеансов психоанализа, на которых, в частности, проводится аналитическое толкование сновидений.

В случае (который подробно анализируется в цитируемой статье) с инженером Тэта, работающем над кристаллографической проблемой, нахождение решения препятствуют инфантильные конфликты. Мышление оказывается втянутым в сферу инфантильных конфликтов и лишь психоаналитическая проработка конфликта приводит к тому, что мышление освобождается и становится способным двигаться дальше (Szekely L., 1976, S.167).

Таким образом, творческое мышление, согласно Секею, не только включает действия и операции субъекта, но представляет собой интимно-личностный процесс, непосредственно связанный с разрешением личностных конфликтов, имеющий сознательные и бессознательные фазы и протекающий на различных уровнях. Заметим, что, фактически, мышление, по Секею, включает в себя и рефлексивные компоненты (хотя сам термин автор не использует). Вероятно, можно считать, что гештальтпсихология (в лице Л. Секея), ассимилировав достижения психоанализа и генетических концепций Ж. Пиаже и Дж. Брунера, перестала существовать как самостоятельное научное направление. Показательно, что сам Секей в последних работах причисляет себя к сторонникам когнитивной психологии (Szekely L., 1976, S.167).

И снова о психологии поэзии, психологии поэтического творчества. Как нам представляется, перспективный для разработки этого направления подход содержится в новой книге В. Д. Шадрикова «Мысль и познание» (Шадриков В. Д., 2014). Новизна подхода связана с тем, что автор использует в качестве основного понятия, анализируемого в настоящей книге, концепт «мысль». Как ни удивительно, приходится констатировать, что «мысль» используется в лексиконе современной психологии и философии не столь часто. Заметим, что в последнее время и о мышлении как таковом пишут очень мало, хотя не подлежит сомнению, что это важнейший познавательный процесс. Подход, реализованный в книге, оказался перспективным и удивительно продуктивным, так как автору удалось по-новому решить ряд проблем и наметить решение других вопросов. Для темы нашего рассуждения важно то, что в книге В. Д. Шадрикова раскрыта структура мысли и образа, представления и воображения, проанализирован процесс выражения мысли в слове и понятии. А это означает, что возникает возможность их сопряженного рассмотрения и анализа. Помимо того, что в книге дается новая и убедительная трактовка понимания мысли, в работе содержится явное приближение к осуществлению мечты Л. С. Выготского о «единстве интеллекта и аффекта». Кроме того, «мысль» удивительным образом сближается с «действием», в котором тоже могут быть выделены сходные компоненты.

Представляется, что для изменения существующего положения в психологии, зафиксированного выше, необходимы определенные шаги. По нашему мнению, необходимо разрабатывать философию психологии как верхний уровень методологии психологии. Полагаем, что разработки этого уровня

помогут научной психологии выстроить необходимые мосты, которые позволили бы соединить в психологическом исследовании пока что плохо соединимое (например, дать психологическую теорию поэтического творчества).

Нам уже приходилось писать о важности философской психологии для разработки методологических вопросов психологии. Дадим самую общую и чрезвычайно сжатую характеристику философии психологии как уровня когнитивной методологии.

1. Этот уровень имеет дело с идеями. Используя терминологию К. Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром».

2. Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии.

3. Вписывает психическое в научную картину мира.

4. Философия психологии вырабатывает понимание предмета

5. Конструирует предметное пространство психологии.

6. Определяет ориентиры и магистральные задачи.

7. Обнаруживает перспективы для междисциплинарных исследований.

8. Обеспечивает единство психологии

9. Обеспечивает интеграцию различных потоков психологического знания. В данном пункте требуются хотя бы минимальные пояснения. Дадим их. Речь, в частности, о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже по-своему раскрывают психическую жизнь человека.

10. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей).

11. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологические исследования. Тезис также нуждается в пояснении. Автор, описывая какое-то историческое событие, в качестве позиции для выбора оценки реально использует позицию «из будущего» (не из сегодняшнего дня). Именно поэтому категория философии психологии так важна для истории психологии.

12. И последнее, может быть самое важное. Философия психологии, как мы ее представили в настоящем тексте, существует реально, только, к сожалению, в силу разных причин, к настоящему времени недостаточно разработана. И особенно удивительным представляется то, что в психологии совершенно не исследованы представления о философии психологии реальных психологов-исследователей, делающих науку сегодня. Вряд ли стоит разъяснить, что от этих представлений (в разной степени осознанных и отрефлексированных) в значительной степени зависит эффективность собственных научно-психологических исследований. Предполагаем осуществления цикла эмпирических исследований содержания и структуры философии психологии как раздела психологии. Как можно полагать, разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки, будет способствовать

дальнейшему развитию психологической науки. Обратим внимание на то, что такая разработка существенно увеличит прогностические возможности в определении перспектив развития науки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. – М., 2010. – С. 592.
2. *Козловский П.* Философские эпопеи. Об универсальных синтезах метафизики, поэзии и мифологии в гегельянстве, гностицизме и романтизме // Вопросы философии. – № 4. – 2000. – С. 37-52.
3. *Мазиллов В.А.* Структуры субъективного опыта и решение задач // Психологические проблемы рационализации деятельности. – Ярославль, ЯрГУ, 1979. – С. 15-27.
4. *Мазиллов В.А.* Исследование локации ограничений в решении творческих задач // Категории, принципы и методы психологии: Психические процессы: Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. Ч.2. – М.: Наука, 1983. – С. 311-312.
5. *Мазиллов В.А.* Решение творческих мыслительных задач: соотношение знания и мышления // Психологические исследования интеллекта и творчества. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – С. 30-32.
6. *Мазиллов В.А.* Проблема творческого мышления в гештальтпсихологии: эволюция подходов // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – С. 46-54.
7. *Шадриков В.Д.* Мысль и познание. – М.: Логос, 2014. – С. 280.
8. *Szekely L.* Die Schöpferische Pause // Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976. – P. 140–170.

REFERENCES TRANSLITERATED

1. *Zinchenko V.P.* Soznanie i tvorcheskij akt. – M., 2010. – S. 592.
2. *Kozlovskij P.* Filosofskie jepopei. Ob universal'nyh sintezah metafiziki, poezii i mifologii v gegel'janstve, gnosticizme i romantizme // Voprosy filosofii. – № 4. – 2000. – S. 37-52.
3. *Mazilov V.A.* Struktury sub'ektivnogo opyta i reshenie zadach // Psihologicheskie problemy racionalizacii dejatel'nosti. Jaroslavl', JarGU, 1979. – S. 15-27.
4. *Mazilov V.A.* Issledovanie lokacii ogranichenij v reshenii tvorcheskih zadach // Kategorii, principy i metody psihologii: Psihicheskie processy: Tezisy nauchnyh soobshhenij sovetskih psihologov k VI Vsesojuznomu siezdu Obshhestva psihologov SSSR.Ch.2. – M.: Nauka, 1983. – S. 311-312.
5. *Mazilov V.A.* Reshenie tvorcheskih myslitel'nyh zadach: sootnoshenie znaniya i myshlenija // Psihologicheskie issledovanija intellekta i tvorchestva. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2010. – S. 30-32.
6. *Mazilov V.A.* Problema tvorcheskogo myshlenija v geshtal'tpsihologii: jevoljucija podhodov // Psihologija intellekta i tvorchestva: Tradicii i innovacii: M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2010. – S. 46-54.
7. *Shadrikov V.D.* Mysl' i poznanie. M.: Logos, 2014. – S. 280.
8. *Szekely L.* Die Schöpferische Pause // Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976. – S. 140–170.

Mazilov V. A. CREATIVITY AND THINKING, PSYCHOLOGY AND PHILOSOPHY.
This article states that currently psychology does not have acceptable theory of poetry.

Moreover, it is argued that even scientific creation in psychology is considered superficially, psychology does not pay the necessary attention to the analysis of its intimate mechanisms, in particular, the relation of thinking and knowledge. As a result, it overlooked that the main problem of the creative process is not a new discovery, but overcoming of misconceptions that prevents this discovery. A typology of the difficulties in the work is proposed. It is alleged that in the development of this problem, very promising is an approach, which is presented in a new book by V.D. Shadrikov "Thought and knowledge." This approach provides the opportunity to match the thoughts, images, symbols, which is important for describing and understanding of poetry. The article notes that to change an existing adverse situation in psychology, recorded above, certain steps are required. It is necessary to develop the philosophy of psychology as the upper level of the methodology of psychology. We believe that the development of this level of scientific psychology can help to build the necessary bridges that would connect in psychological research yet poorly joinable (for example, to give a psychological theory of poetry).

Keywords: poetry, psychology, creativity, creative thinking, philosophy, philosophy of psychology.

Отримано 04.02.2015

УДК 159.928

Мазяр Олег Васильович

ПСИХОФІЗІОЛОГІЧНІ ЧИННИКИ ОБДАРОВАНОСТІ У ПРАЦЯХ І. О. СІКОРСЬКОГО

Мазяр О. В. ПСИХОФІЗІОЛОГІЧНІ ЧИННИКИ ОБДАРОВАНОСТІ У ПРАЦЯХ І. О. СІКОРСЬКОГО. Проблема обдарованості на початку ХХ століття розглядалася у зв'язку з психофізіологічними чинниками розвитку особистості. У цьому питанні І.О. Сікорський обґрунтовує важливість ролі спадковості, зокрема психічної. При цьому виховання є іноді сприятливим фактором, іноді таким, який протистоїть розгортанню природних здібностей. Таким чином він наближається до ідеї неможливості звести обдарованість до психофізіологічних особливостей і розуміння їх в якості задатків. Разом із тим І.О. Сікорський надає великого значення етнопсихологічному елементу розвитку особистості, який накладає суттєві обмеження на розвиток її обдарованості. Вроджений психофізіологічний матеріал повинен розгорнутися під впливом сприятливих соціокультурних умов, риси темпераменту обдарованої особистості повинні трансформуватися у характерологічні якості. Відтак фізіологічні і психофізіологічні чинники є основою для становлення обдарованої особистості. І.О. Сікорський не поділяє поширеної на той час думки про те, що обдарованість неодмінно носить компенсаторний характер і є проявом однобічності психічного розвитку людини. Він обстоює думку про те, що обдарована особистість повинна бути розвинута всебічно. Відтак одним із шляхів розвитку обдарованості є зміни на психофізіологічному і фізіологічному рівні функціонування.

Ключові слова: структура особистості, обдарованість, спадковість, здібності, задатки, темперамент, характер.

Мазяр О. В. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОДАРЕННОСТИ В РАБОТАХ И. А. СИКОРСКОГО. Проблема одаренности в начале ХХ столетия рассматривается в связи с психофизиологическими факторами развития личности. В этом вопросе И.А. Сикорский обосновывает важность роли наследственности, в том числе и психической. При этом воспитание является иногда способствующим фактором, иногда противостоящим разворачиванию природных способностей. Тем самым он приближается к идее несводимос-